

Научная статья

УДК 811.163.1 + 81'35

DOI 10.17223/18137083/78/18

Дифференциация омоформ единственного и неединственного числа склоняемых частей речи в церковнославянском языке: к формулировке общего правила

Александр Дмитриевич Большаков

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Нижегород, Россия
barsikapfff-2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9451-6830>

Аннотация

Отличительной особенностью орфографии церковнославянского языка является так называемый принцип антистиха, суть которого заключается в тотальном, насколько это возможно, устранении омонимии, для чего используется известный арсенал графико-орфографических средств. Рассмотрев различные рекомендации, встречающиеся в учебной и научной литературе, и сравнив их с данными текстов, автор приходит к выводу, что, во-первых, система орфографических принципов церковнославянского языка имеет иерархическую организацию; во-вторых, принцип антистиха (т. е. дифференцирующий) занимает в этой иерархии главенствующее положение; в-третьих, антистих обладает собственной внутренней иерархией; в-четвертых, ведущая роль в этой внутренней иерархии принадлежит противопоставлению (различению) числовых омоформ; наконец, в-пятых, использование конкретных средств подчинено строгим закономерностям. Автор предлагает формулировку орфографических правил расподобления омоформ единственного и неединственного числа, учитывающую и общесистемные отношения орфографических принципов, и внутреннюю иерархию антистиха, и иерархию графико-орфографических средств.

Ключевые слова

церковнославянский язык, графика и орфография, принцип антистиха, омонимия, алфавит, число

Для цитирования

Большаков А. Д. Дифференциация омоформ единственного и неединственного числа склоняемых частей речи в церковнославянском языке: к формулировке общего правила // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 251–267. DOI 10.17223/18137083/78/18

© Большаков А. Д., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 251–267
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 251–267

Differentiation of homoforms of singular and non-singular declinable parts of speech in Church Slavic language: towards the formulation of a general rule

Alexander D. Bolshakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod – National Research University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
barsikapfff-2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9451-6830>

Abstract

A distinctive feature of the spelling of the contemporary Russian Church Slavonic is the so-called *antistih* (anti-verse) principle, that is a total, in as much as possible, elimination of grammatical homonymy, with a well-known arsenal of graphic and orthographic tools used: duplicates *ѣ*, *ѡ*, *ѣ* and *Ѧ*, diacritical marks *apostrof* (ᾤόστροφος) and *kamora* (circumflexus). Having considered various recommendations found in educational and scientific literature, and comparing them with the data of texts, the author came to the following conclusions. First, the system of orthographic principles of the Church Slavonic language has a hierarchical organization. Second, the principle of *antistih* (i.e. differentiating) occupies a dominant position in this hierarchy. Third, *antistih* has its own internal hierarchy. Fourth, the leading role in this internal hierarchy belongs to the opposition (distinction) of numeric homoforms. Fifth, the use of specific tools is subject to strict laws. The author offers a formulation of spelling rules for dissimilarizing singular and non-singular homophormes, taking into account the system-wide relations of spelling principles, the internal hierarchy of *antistih*, and the hierarchy of graphic and orthographic tools. The presence of such rules, i.e. an explicitly articulated algorithm, may not only contribute to the standardization of the language but also is valuable in terms of solving concrete practical tasks: methodical (presentation of material: from the teacher to the student), mnemonic (learning of material: from the student to the system of language), normalization per se (orientation in arsenal of linguistic tools: from the originator of the text to the linguistic norm).

Keywords

Church Slavic language, graphic and orthography, principle of *antistih* (anti-verse), homonymy, alphabet, number

For citation

Bolshakov A. D. Differentiation of homoforms of singular and non-singular declinable parts of speech in Church Slavic language: towards the formulation of a general rule. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 251–267. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/18

К постановке проблемы

Педагогическая практика показывает, что одним из наиболее сложных для усвоения обучающимися разделов церковнославянского языка является его графико-орфографическая система. Обусловлено это ее истоками и историей. Как известно, составители славянской азбуки опирались в своей работе в основном на греческий опыт, а также, в меньшей степени, на опыт коптско-семитский [ГСЕ, 1991, с. 48; Хабургаев, 1974, с. 37; Черепнин, 1956, с. 107]. Это нашло выражение прежде всего в заимствовании элементов (единиц) греческого письма, имевшем подчас механический, калькирующий характер [Дурново, 2000, с. 591, 598; Карский, 1979, с. 229–230; Хабургаев, 1974, с. 32]. Уже на заре славянской письменности в нескольких графических обликах существовали, например, звуки [и], [о].

Повлияли на сферу функционирования тех или иных конкретных графем и собственно славянские звуковые изменения. Так, с отвердением шипящих стало возможным написание после них **ы** наряду с **и**; деназализация (в восточнославянском ее варианте) уравнивала в употреблении **ѧ** и **ѩ** (после того же отвердения шипящих – также и **ѧ**). Наконец, существовали в разные эпохи и разные диакритические системы. Таким образом, на сегодняшний день, к примеру, этимологическое ¹ русское орфографическое *И* может иметь 22 церковнославянских соответствия (**и, ѣ, ѣ̇, ѣ̈, ѣ̉, ѣ̊, ѣ̋, ѣ̌, ѣ̍, ѣ̎, ѣ̏, ѣ̐, ѣ̑, ѣ̒, ѣ̓, ѣ̔, ѣ̕, ѣ̖, ѣ̗, ѣ̘, ѣ̙, ѣ̚, ѣ̛, ѣ̜, ѣ̝, ѣ̞, ѣ̟, ѣ̠, ѣ̡, ѣ̢, ѣ̣, ѣ̤, ѣ̥, ѣ̦, ѣ̧, ѣ̨, ѣ̩, ѣ̪, ѣ̫, ѣ̬, ѣ̭, ѣ̮, ѣ̯, ѣ̰, ѣ̱, ѣ̲, ѣ̳, ѣ̴, ѣ̵, ѣ̶, ѣ̷, ѣ̸, ѣ̹, ѣ̺, ѣ̻, ѣ̼, ѣ̽, ѣ̾, ѣ̿, ѣ̺̇, ѣ̺̈, ѣ̺̉, ѣ̺̊, ѣ̺̋, ѣ̺̌, ѣ̺̍, ѣ̺̎, ѣ̺̏, ѣ̺̐, ѣ̺̑, ѣ̺̒, ѣ̺̓, ѣ̺̔, ѣ̺̕, ѣ̺̖, ѣ̺̗, ѣ̺̘, ѣ̺̙, ѣ̺̚, ѣ̛̺, ѣ̺̜, ѣ̺̝, ѣ̺̞, ѣ̺̟, ѣ̺̠, ѣ̡̺, ѣ̢̺, ѣ̺̣, ѣ̺̤, ѣ̺̥, ѣ̺̦, ѣ̧̺, ѣ̨̺, ѣ̺̩, ѣ̺̪, ѣ̺̫, ѣ̺̬, ѣ̺̭, ѣ̺̮, ѣ̺̯, ѣ̺̰, ѣ̺̱, ѣ̺̲, ѣ̺̳, ѣ̴̺, ѣ̵̺, ѣ̶̺, ѣ̷̺, ѣ̸̺, ѣ̺̹, ѣ̺̺, ѣ̺̻, ѣ̺̼, ѣ̺̽, ѣ̺̾, ѣ̺̿**).

Столь пестрая графико-орфографическая палитра имеет, тем не менее, определенные нормативные контуры. Как минимум: диакритические знаки, за некоторыми оговорками, большая часть из которых будет разобрана в настоящей статье, употребляются по тем же принципам, что и в греческом языке-доноре. В соответствии с этимологией и/или орфографией источника (или опять же греческой ее интерпретацией) употребляются буквы **и, ѣ** и **ѣ̇** (сѣ̇хѣ̇, ѣ̇пакѣ̇, слав. ѣ̇ѣ̇ и греч. ѣ̇ѣ̇), **ѣ̈** и **ѣ̉** (ѣ̈ѣ̈, ѣ̈пакѣ̈, слав. ѣ̈ѣ̈ и греч. ѣ̈ѣ̈), **ѣ̊** и **ѣ̋** (ѣ̊ѣ̊, ѣ̊пакѣ̊, слав. ѣ̊ѣ̊ и греч. ѣ̊ѣ̊), **ѣ̌** и **ѣ̍** (ѣ̌ѣ̌, ѣ̌пакѣ̌, слав. ѣ̌ѣ̌ и греч. ѣ̌ѣ̌), **ѣ̎** и **ѣ̏** (ѣ̎ѣ̎, ѣ̎пакѣ̎, слав. ѣ̎ѣ̎ и греч. ѣ̎ѣ̎), **ѣ̐** и **ѣ̑** (ѣ̐ѣ̐, ѣ̐пакѣ̐, слав. ѣ̐ѣ̐ и греч. ѣ̐ѣ̐), **ѣ̒** и **ѣ̓** (ѣ̒ѣ̒, ѣ̒пакѣ̒, слав. ѣ̒ѣ̒ и греч. ѣ̒ѣ̒), **ѣ̔** и **ѣ̕** (ѣ̔ѣ̔, ѣ̔пакѣ̔, слав. ѣ̔ѣ̔ и греч. ѣ̔ѣ̔), **ѣ̖** и **ѣ̗** (ѣ̖ѣ̖, ѣ̖пакѣ̖, слав. ѣ̖ѣ̖ и греч. ѣ̖ѣ̖), **ѣ̘** и **ѣ̙** (ѣ̘ѣ̘, ѣ̘пакѣ̘, слав. ѣ̘ѣ̘ и греч. ѣ̘ѣ̘), **ѣ̚** и **ѣ̛** (ѣ̚ѣ̚, ѣ̚пакѣ̚, слав. ѣ̚ѣ̚ и греч. ѣ̚ѣ̚), **ѣ̜** и **ѣ̝** (ѣ̜ѣ̜, ѣ̜пакѣ̜, слав. ѣ̜ѣ̜ и греч. ѣ̜ѣ̜), **ѣ̞** и **ѣ̟** (ѣ̞ѣ̞, ѣ̞пакѣ̞, слав. ѣ̞ѣ̞ и греч. ѣ̞ѣ̞), **ѣ̠** и **ѣ̡** (ѣ̠ѣ̠, ѣ̠пакѣ̠, слав. ѣ̠ѣ̠ и греч. ѣ̠ѣ̠), **ѣ̢** и **ѣ̣** (ѣ̢ѣ̢, ѣ̢пакѣ̢, слав. ѣ̢ѣ̢ и греч. ѣ̢ѣ̢), **ѣ̤** и **ѣ̥** (ѣ̤ѣ̤, ѣ̤пакѣ̤, слав. ѣ̤ѣ̤ и греч. ѣ̤ѣ̤), **ѣ̦** и **ѣ̧** (ѣ̦ѣ̦, ѣ̦пакѣ̦, слав. ѣ̦ѣ̦ и греч. ѣ̦ѣ̦), **ѣ̨** и **ѣ̩** (ѣ̨ѣ̨, ѣ̨пакѣ̨, слав. ѣ̨ѣ̨ и греч. ѣ̨ѣ̨), **ѣ̪** и **ѣ̫** (ѣ̪ѣ̪, ѣ̪пакѣ̪, слав. ѣ̪ѣ̪ и греч. ѣ̪ѣ̪), **ѣ̬** и **ѣ̭** (ѣ̬ѣ̬, ѣ̬пакѣ̬, слав. ѣ̬ѣ̬ и греч. ѣ̬ѣ̬), **ѣ̮** и **ѣ̯** (ѣ̮ѣ̮, ѣ̮пакѣ̮, слав. ѣ̮ѣ̮ и греч. ѣ̮ѣ̮), **ѣ̰** и **ѣ̱** (ѣ̰ѣ̰, ѣ̰пакѣ̰, слав. ѣ̰ѣ̰ и греч. ѣ̰ѣ̰), **ѣ̲** и **ѣ̳** (ѣ̲ѣ̲, ѣ̲пакѣ̲, слав. ѣ̲ѣ̲ и греч. ѣ̲ѣ̲), **ѣ̴** и **ѣ̵** (ѣ̴ѣ̴, ѣ̴пакѣ̴, слав. ѣ̴ѣ̴ и греч. ѣ̴ѣ̴), **ѣ̶** и **ѣ̷** (ѣ̶ѣ̶, ѣ̶пакѣ̶, слав. ѣ̶ѣ̶ и греч. ѣ̶ѣ̶), **ѣ̸** и **ѣ̹** (ѣ̸ѣ̸, ѣ̸пакѣ̸, слав. ѣ̸ѣ̸ и греч. ѣ̸ѣ̸), **ѣ̺̇** и **ѣ̺̈** (ѣ̺̇ѣ̺̇, ѣ̺̈ѣ̺̈, слав. ѣ̺̇ѣ̺̇ и греч. ѣ̺̇ѣ̺̇), **ѣ̺̉** и **ѣ̺̊** (ѣ̺̉ѣ̺̉, ѣ̺̊ѣ̺̊, слав. ѣ̺̉ѣ̺̉ и греч. ѣ̺̉ѣ̺̉), **ѣ̺̋** и **ѣ̺̌** (ѣ̺̋ѣ̺̋, ѣ̺̌ѣ̺̌, слав. ѣ̺̋ѣ̺̋ и греч. ѣ̺̋ѣ̺̋), **ѣ̺̍** и **ѣ̺̎** (ѣ̺̍ѣ̺̍, ѣ̺̎ѣ̺̎, слав. ѣ̺̍ѣ̺̍ и греч. ѣ̺̍ѣ̺̍), **ѣ̺̏** и **ѣ̺̐** (ѣ̺̏ѣ̺̏, ѣ̺̐ѣ̺̐, слав. ѣ̺̏ѣ̺̏ и греч. ѣ̺̏ѣ̺̏), **ѣ̺̑** и **ѣ̺̒** (ѣ̺̑ѣ̺̑, ѣ̺̒ѣ̺̒, слав. ѣ̺̑ѣ̺̑ и греч. ѣ̺̑ѣ̺̑), **ѣ̺̓** и **ѣ̺̔** (ѣ̺̓ѣ̺̓, ѣ̺̔ѣ̺̔, слав. ѣ̺̓ѣ̺̓ и греч. ѣ̺̓ѣ̺̓), **ѣ̺̕** и **ѣ̺̖** (ѣ̺̕ѣ̺̕, ѣ̺̖ѣ̺̖, слав. ѣ̺̕ѣ̺̕ и греч. ѣ̺̕ѣ̺̕), **ѣ̺̗** и **ѣ̺̘** (ѣ̺̗ѣ̺̗, ѣ̺̘ѣ̺̘, слав. ѣ̺̗ѣ̺̗ и греч. ѣ̺̗ѣ̺̗), **ѣ̺̙** и **ѣ̺̚** (ѣ̺̙ѣ̺̙, ѣ̺̚ѣ̺̚, слав. ѣ̺̙ѣ̺̙ и греч. ѣ̺̙ѣ̺̙), **ѣ̛̺** и **ѣ̺̜** (ѣ̛̺ѣ̛̺, ѣ̺̜ѣ̺̜, слав. ѣ̛̺ѣ̛̺ и греч. ѣ̛̺ѣ̛̺), **ѣ̺̝** и **ѣ̺̞** (ѣ̺̝ѣ̺̝, ѣ̺̞ѣ̺̞, слав. ѣ̺̝ѣ̺̝ и греч. ѣ̺̝ѣ̺̝), **ѣ̺̟** и **ѣ̺̠** (ѣ̺̟ѣ̺̟, ѣ̺̠ѣ̺̠, слав. ѣ̺̟ѣ̺̟ и греч. ѣ̺̟ѣ̺̠), **ѣ̡̺** и **ѣ̢̺** (ѣ̡̺ѣ̡̺, ѣ̢̺ѣ̢̺, слав. ѣ̡̺ѣ̡̺ и греч. ѣ̡̺ѣ̢̺), **ѣ̺̣** и **ѣ̺̤** (ѣ̺̣ѣ̺̣, ѣ̺̤ѣ̺̤, слав. ѣ̺̣ѣ̺̣ и греч. ѣ̺̣ѣ̺̤), **ѣ̺̥** и **ѣ̺̦** (ѣ̺̥ѣ̺̥, ѣ̺̦ѣ̺̦, слав. ѣ̺̥ѣ̺̥ и греч. ѣ̺̥ѣ̺̦), **ѣ̧̺** и **ѣ̨̺** (ѣ̧̺ѣ̧̺, ѣ̨̺ѣ̨̺, слав. ѣ̧̺ѣ̧̺ и греч. ѣ̧̺ѣ̨̺), **ѣ̺̩** и **ѣ̺̪** (ѣ̺̩ѣ̺̩, ѣ̺̪ѣ̺̪, слав. ѣ̺̩ѣ̺̩ и греч. ѣ̺̩ѣ̺̪), **ѣ̺̫** и **ѣ̺̬** (ѣ̺̫ѣ̺̫, ѣ̺̬ѣ̺̬, слав. ѣ̺̫ѣ̺̫ и греч. ѣ̺̫ѣ̺̬), **ѣ̺̭** и **ѣ̺̮** (ѣ̺̭ѣ̺̭, ѣ̺̮ѣ̺̮, слав. ѣ̺̭ѣ̺̭ и греч. ѣ̺̭ѣ̺̮), **ѣ̺̯** и **ѣ̺̰** (ѣ̺̯ѣ̺̯, ѣ̺̰ѣ̺̰, слав. ѣ̺̯ѣ̺̰ и греч. ѣ̺̯ѣ̺̰), **ѣ̺̱** и **ѣ̺̲** (ѣ̺̱ѣ̺̱, ѣ̺̲ѣ̺̲, слав. ѣ̺̱ѣ̺̲ и греч. ѣ̺̱ѣ̺̲), **ѣ̺̳** и **ѣ̴̺** (ѣ̺̳ѣ̺̳, ѣ̴̺ѣ̴̺, слав. ѣ̺̳ѣ̴̺ и греч. ѣ̺̳ѣ̴̺), **ѣ̵̺** и **ѣ̶̺** (ѣ̵̺ѣ̵̺, ѣ̶̺ѣ̶̺, слав. ѣ̵̺ѣ̶̺ и греч. ѣ̵̺ѣ̶̺), **ѣ̷̺** и **ѣ̸̺** (ѣ̷̺ѣ̷̺, ѣ̸̺ѣ̸̺, слав. ѣ̷̺ѣ̸̺ и греч. ѣ̷̺ѣ̸̺), **ѣ̺̹** и **ѣ̺̺** (ѣ̺̹ѣ̺̹, ѣ̺̺ѣ̺̺, слав. ѣ̺̹ѣ̺̺ и греч. ѣ̺̹ѣ̺̺), **ѣ̺̻** и **ѣ̺̼** (ѣ̺̻ѣ̺̻, ѣ̺̼ѣ̺̼, слав. ѣ̺̻ѣ̺̼ и греч. ѣ̺̻ѣ̺̼), **ѣ̺̽** и **ѣ̺̾** (ѣ̺̽ѣ̺̽, ѣ̺̾ѣ̺̾, слав. ѣ̺̽ѣ̺̾ и греч. ѣ̺̽ѣ̺̾), **ѣ̺̿** и **ѣ̺̺̇** (ѣ̺̿ѣ̺̿, ѣ̺̺̇ѣ̺̺̇, слав. ѣ̺̿ѣ̺̿ и греч. ѣ̺̿ѣ̺̺̇), **ѣ̺̺̈** и **ѣ̺̺̉** (ѣ̺̺̈ѣ̺̺̈, ѣ̺̺̉ѣ̺̺̉, слав. ѣ̺̺̈ѣ̺̺̈ и греч. ѣ̺̺̈ѣ̺̺̉), **ѣ̺̺̊** и **ѣ̺̺̋** (ѣ̺̺̊ѣ̺̺̊, ѣ̺̺̋ѣ̺̺̋, слав. ѣ̺̺̊ѣ̺̺̊ и греч. ѣ̺̺̊ѣ̺̺̋), **ѣ̺̺̌** и **ѣ̺̺̍** (ѣ̺̺̌ѣ̺̺̌, ѣ̺̺̍ѣ̺̺̍, слав. ѣ̺̺̌ѣ̺̺̌ и греч. ѣ̺̺̌ѣ̺̺̍), **ѣ̺̺̎** и **ѣ̺̺̏** (ѣ̺̺̎ѣ̺̺̎, ѣ̺̺̏ѣ̺̺̏, слав. ѣ̺̺̎ѣ̺̺̎ и греч. ѣ̺̺̎ѣ̺̺̏), **ѣ̺̺̐** и **ѣ̺̺̑** (ѣ̺̺̐ѣ̺̺̐, ѣ̺̺̑ѣ̺̺̑, слав. ѣ̺̺̐ѣ̺̺̐ и греч. ѣ̺̺̐ѣ̺̺̑), **ѣ̺̺̒** и **ѣ̺̺̓** (ѣ̺̺̒ѣ̺̺̒, ѣ̺̺̓ѣ̺̺̓, слав. ѣ̺̺̒ѣ̺̺̒ и греч. ѣ̺̺̒ѣ̺̺̓), **ѣ̺̺̔** и **ѣ̺̺̕** (ѣ̺̺̔ѣ̺̺̔, ѣ̺̺̕ѣ̺̺̕, слав. ѣ̺̺̔ѣ̺̺̔ и греч. ѣ̺̺̔ѣ̺̺̕), **ѣ̺̺̖** и **ѣ̺̺̗** (ѣ̺̺̖ѣ̺̺̖, ѣ̺̺̗ѣ̺̺̗, слав. ѣ̺̺̖ѣ̺̺̖ и греч. ѣ̺̺̖ѣ̺̺̗), **ѣ̺̺̘** и **ѣ̺̺̙** (ѣ̺̺̘ѣ̺̺̘, ѣ̺̺̙ѣ̺̺̙, слав. ѣ̺̺̘ѣ̺̺̘ и греч. ѣ̺̺̘ѣ̺̺̙), **ѣ̺̺̚** и **ѣ̛̺̺** (ѣ̺̺̚ѣ̺̺̚, ѣ̛̺̺ѣ̛̺̺, слав. ѣ̺̺̚ѣ̺̺̚ и греч. ѣ̺̺̚ѣ̛̺̺), **ѣ̺̺̜** и **ѣ̺̺̝** (ѣ̺̺̜ѣ̺̺̜, ѣ̺̺̝ѣ̺̺̝, слав. ѣ̺̺̜ѣ̺̺̜ и греч. ѣ̺̺̜ѣ̺̺̝), **ѣ̺̺̞** и **ѣ̺̺̟** (ѣ̺̺̞ѣ̺̺̞, ѣ̺̺̟ѣ̺̺̟, слав. ѣ̺̺̞ѣ̺̺̞ и греч. ѣ̺̺̞ѣ̺̺̟), **ѣ̺̺̠** и **ѣ̡̺̺** (ѣ̺̺̠ѣ̺̺̠, ѣ̡̺̺ѣ̡̺̺, слав. ѣ̺̺̠ѣ̺̺̠ и греч. ѣ̺̺̠ѣ̡̺̺), **ѣ̢̺̺** и **ѣ̺̺̣** (ѣ̢̺̺ѣ̢̺̺, ѣ̺̺̣ѣ̺̺̣, слав. ѣ̢̺̺ѣ̢̺̺ и греч. ѣ̢̺̺ѣ̺̺̣), **ѣ̺̺̤** и **ѣ̺̺̥** (ѣ̺̺̤ѣ̺̺̤, ѣ̺̺̥ѣ̺̺̥, слав. ѣ̺̺̤ѣ̺̺̤ и греч. ѣ̺̺̤ѣ̺̺̥), **ѣ̺̺̦** и **ѣ̧̺̺** (ѣ̺̺̦ѣ̺̺̦, ѣ̧̺̺ѣ̧̺̺, слав. ѣ̺̺̦ѣ̺̺̦ и греч. ѣ̺̺̦ѣ̧̺̺), **ѣ̨̺̺** и **ѣ̺̺̩** (ѣ̨̺̺ѣ̨̺̺, ѣ̺̺̩ѣ̺̺̩, слав. ѣ̨̺̺ѣ̨̺̺ и греч. ѣ̨̺̺ѣ̺̺̩), **ѣ̺̺̪** и **ѣ̺̺̫** (ѣ̺̺̪ѣ̺̺̪, ѣ̺̺̫ѣ̺̺̫, слав. ѣ̺̺̪ѣ̺̺̪ и греч. ѣ̺̺̪ѣ̺̺̫), **ѣ̺̺̬** и **ѣ̺̺̭** (ѣ̺̺̬ѣ̺̺̬, ѣ̺̺̭ѣ̺̺̭, слав. ѣ̺̺̬ѣ̺̺̬ и греч. ѣ̺̺̬ѣ̺̺̭), **ѣ̺̺̮** и **ѣ̺̺̯** (ѣ̺̺̮ѣ̺̺̮, ѣ̺̺̯ѣ̺̺̯, слав. ѣ̺̺̮ѣ̺̺̮ и греч. ѣ̺̺̮ѣ̺̺̯), **ѣ̺̺̰** и **ѣ̺̺̱** (ѣ̺̺̰ѣ̺̺̰, ѣ̺̺̱ѣ̺̺̱, слав. ѣ̺̺̰ѣ̺̺̱ и греч. ѣ̺̺̰ѣ̺̺̱), **ѣ̺̺̲** и **ѣ̺̺̳** (ѣ̺̺̲ѣ̺̺̲, ѣ̺̺̳ѣ̺̺̳, слав. ѣ̺̺̲ѣ̺̺̳ и греч. ѣ̺̺̲ѣ̺̺̳), **ѣ̴̺̺** и **ѣ̵̺̺** (ѣ̴̺̺ѣ̴̺̺, ѣ̵̺̺ѣ̵̺̺, слав. ѣ̴̺̺ѣ̵̺̺ и греч. ѣ̴̺̺ѣ̵̺̺), **ѣ̶̺̺** и **ѣ̷̺̺** (ѣ̶̺̺ѣ̶̺̺, ѣ̷̺̺ѣ̷̺̺, слав. ѣ̶̺̺ѣ̷̺̺ и греч. ѣ̶̺̺ѣ̷̺̺), **ѣ̸̺̺** и **ѣ̺̺̹** (ѣ̸̺̺ѣ̸̺̺, ѣ̺̺̹ѣ̺̺̹, слав. ѣ̸̺̺ѣ̺̺̹ и греч. ѣ̸̺̺ѣ̺̺̹), **ѣ̺̺̺** и **ѣ̺̺̻** (ѣ̺̺̺ѣ̺̺̺, ѣ̺̺̻ѣ̺̺̻, слав. ѣ̺̺̺ѣ̺̺̻ и греч. ѣ̺̺̺ѣ̺̺̻), **ѣ̺̺̼** и **ѣ̺̺̽** (ѣ̺̺̼ѣ̺̺̼, ѣ̺̺̽ѣ̺̺̽, слав. ѣ̺̺̼ѣ̺̺̽ и греч. ѣ̺̺̼ѣ̺̺̽), **ѣ̺̺̾** и **ѣ̺̺̿** (ѣ̺̺̾ѣ̺̺̾, ѣ̺̺̿ѣ̺̺̿, слав. ѣ̺̺̾ѣ̺̺̿ и греч. ѣ̺̺̾ѣ̺̺̿), **ѣ̺̺̺̇** и **ѣ̺̺̺̈** (ѣ̺̺̺̇ѣ̺̺̺̇, ѣ̺̺̺̈ѣ̺̺̺̈, слав. ѣ̺̺̺̇ѣ̺̺̺̇ и греч. ѣ̺̺̺̇ѣ̺̺̺̈), **ѣ̺̺̺̉** и **ѣ̺̺̺̊** (ѣ̺̺̺̉ѣ̺̺̺̉, ѣ̺̺̺̊ѣ̺̺̺̊, слав. ѣ̺̺̺̉ѣ̺̺̺̉ и греч. ѣ̺̺̺̉ѣ̺̺̺̊), **ѣ̺̺̺̋** и **ѣ̺̺̺̌** (ѣ̺̺̺̋ѣ̺̺̺̋, ѣ̺̺̺̌ѣ̺̺̺̌, слав. ѣ̺̺̺̋ѣ̺̺̺̋ и греч. ѣ̺̺̺̋ѣ̺̺̺̌), **ѣ̺̺̺̍** и **ѣ̺̺̺̎** (ѣ̺̺̺̍ѣ̺̺̺̍, ѣ̺̺̺̎ѣ̺̺̺̎, слав. ѣ̺̺̺̍ѣ̺̺̺̍ и греч. ѣ̺̺̺̍ѣ̺̺̺̎), **ѣ̺̺̺̏** и **ѣ̺̺̺̐** (ѣ̺̺̺̏ѣ̺̺̺̏, ѣ̺̺̺̐ѣ̺̺̺̐, слав. ѣ̺̺̺̏ѣ̺̺̺̐ и греч. ѣ̺̺̺̏ѣ̺̺̺̑), **ѣ̺̺̺̑** и **ѣ̺̺̺̒** (ѣ̺̺̺̑ѣ̺̺̺̑, ѣ̺̺̺̒ѣ̺̺̺̒, слав. ѣ̺̺̺̑ѣ̺̺̺̑ и греч. ѣ̺̺̺̑ѣ̺̺̺̓), **ѣ̺̺̺̓** и **ѣ̺̺̺̔** (ѣ̺̺̺̓ѣ̺̺̺̓, ѣ̺̺̺̔ѣ̺̺̺̔, слав. ѣ̺̺̺̓ѣ̺̺̺̓ и греч. ѣ̺̺̺̓ѣ̺̺̺̕), **ѣ̺̺̺̕** и **ѣ̺̺̺̖** (ѣ̺̺̺̕ѣ̺̺̺̕, ѣ̺̺̺̖ѣ̺̺̺̖, слав. ѣ̺̺̺̕ѣ̺̺̺̖ и греч. ѣ̺̺̺̕ѣ̺̺̺̗), **ѣ̺̺̺̗** и **ѣ̺̺̺̘** (ѣ̺̺̺̗ѣ̺̺̺̗, ѣ̺̺̺̘ѣ̺̺̺̘, слав. ѣ̺̺̺̗ѣ̺̺̺̘ и греч. ѣ̺̺̺̗ѣ̺̺̺̙), **ѣ̺̺̺̙** и **ѣ̺̺̺̚** (ѣ̺̺̺̙ѣ̺̺̺̙, ѣ̺̺̺̚ѣ̺̺̺̚, слав. ѣ̺̺̺̙ѣ̺̺̺̚ и греч. ѣ̺̺̺̙ѣ̛̺̺̺), **ѣ̛̺̺̺** и **ѣ̺̺̺̜** (ѣ̛̺̺̺ѣ̛̺̺̺, ѣ̺̺̺̜ѣ̺̺̺̜, слав. ѣ̛̺̺̺ѣ̺̺̺̜ и греч. ѣ̛̺̺̺ѣ̺̺̺̝), **ѣ̺̺̺̝** и **ѣ̺̺̺̞** (ѣ̺̺̺̝ѣ̺̺̺̝, ѣ̺̺̺̞ѣ̺̺̺̞, слав. ѣ̺̺̺̝ѣ̺̺̺̞ и греч. ѣ̺̺̺̝ѣ̺̺̺̟), **ѣ̺̺̺̟** и **ѣ̺̺̺̠** (ѣ̺̺̺̟ѣ̺̺̺̟, ѣ̺̺̺̠ѣ̺̺̺̠, слав. ѣ̺̺̺̟ѣ̺̺̺̠ и греч. ѣ̺̺̺̟ѣ̡̺̺̺), **ѣ̡̺̺̺** и **ѣ̢̺̺̺** (ѣ̡̺̺̺ѣ̡̺̺̺, ѣ̢̺̺̺ѣ̢̺̺̺, слав. ѣ̡̺̺̺ѣ̢̺̺̺ и греч. ѣ̡̺̺̺ѣ̺̺̺̣), **ѣ̺̺̺̣** и **ѣ̺̺̺̤** (ѣ̺̺̺̣ѣ̺̺̺̣, ѣ̺̺̺̤ѣ̺̺̺̤, слав. ѣ̺̺̺̣ѣ̺̺̺̤ и греч. ѣ̺̺̺̣ѣ̺̺̺̥), **ѣ̺̺̺̥** и **ѣ̺̺̺̦** (ѣ̺̺̺̥ѣ̺̺̺̥, ѣ̺̺̺̦ѣ̺̺̺̦, слав. ѣ̺̺̺̥ѣ̺̺̺̦ и греч. ѣ̺̺̺̥ѣ̧̺̺̺), **ѣ̧̺̺̺** и **ѣ̨̺̺̺** (ѣ̧̺̺̺ѣ̧̺̺̺, ѣ̨̺̺̺ѣ̨̺̺̺, слав. ѣ̧̺̺̺ѣ̧̺̺̺ и греч. ѣ̧̺̺̺ѣ̺̺̺̩), **ѣ̺̺̺̩** и **ѣ̺̺̺̪** (ѣ̺̺̺̩ѣ̺̺̺̩, ѣ̺̺̺̪ѣ̺̺̺̪, слав. ѣ̺̺̺̩ѣ̺̺̺̪ и греч. ѣ̺̺̺̩ѣ̺̺̺̫), **ѣ̺̺̺̫** и **ѣ̺̺̺̬** (ѣ̺̺̺̫ѣ̺̺̺̫, ѣ̺̺̺̬ѣ̺̺̺̬, слав. ѣ̺̺̺̫ѣ̺̺̺̬ и греч. ѣ̺̺̺̫ѣ̺̺̺̭), **ѣ̺̺̺̭** и **ѣ̺̺̺̮** (ѣ̺̺̺̭ѣ̺̺̺̭, ѣ̺̺̺̮ѣ̺̺̺̮, слав. ѣ̺̺̺̭ѣ̺̺̺̮ и греч. ѣ̺̺̺̭ѣ̺̺̺̯), **ѣ̺̺̺̯** и **ѣ̺̺̺̰** (ѣ̺̺̺̯ѣ̺̺̺̯, ѣ̺̺̺̰ѣ̺̺̺̰, слав. ѣ̺̺̺̯ѣ̺̺̺̰ и греч. ѣ̺̺̺̯ѣ̺̺̺̱), **ѣ̺̺̺̱** и **ѣ̺̺̺̲** (ѣ̺̺̺̱ѣ̺̺̺̱, ѣ̺̺̺̲ѣ̺̺̺̲, слав. ѣ̺̺̺̱ѣ̺̺̺̲ и греч. ѣ̺̺̺̱ѣ̺̺̺̳), **ѣ̺̺̺̳** и **ѣ̴̺̺̺** (ѣ̺̺̺̳ѣ̺̺̺̳, ѣ̴̺̺̺ѣ̴̺̺̺, слав. ѣ̺̺̺̳ѣ̴̺̺̺ и греч. ѣ̺̺̺̳ѣ̵̺̺̺), **ѣ̵̺̺̺** и **ѣ̶̺̺̺** (ѣ̵̺̺̺ѣ̵̺̺̺, ѣ̶̺̺̺ѣ̶̺̺̺, слав. ѣ̵̺̺̺ѣ̶̺̺̺ и греч. ѣ̵̺̺̺ѣ̷̺̺̺), **ѣ̷̺̺̺** и **ѣ̸̺̺̺** (ѣ̷̺̺̺ѣ̷̺̺̺, ѣ̸̺̺̺ѣ̸̺̺̺, слав. ѣ̷̺̺̺ѣ̸̺̺̺ и греч. ѣ̷̺̺̺ѣ̺̺̺̹), **ѣ̺̺̺̹** и **ѣ̺̺̺̺** (ѣ̺̺̺̹ѣ̺̺̺̹, ѣ̺̺̺̺ѣ̺̺̺̺, слав. ѣ̺̺̺̹ѣ̺̺̺̺ и греч. ѣ̺̺̺̹ѣ̺̺̺̻), **ѣ̺̺̺̻** и **ѣ̺̺̺̼** (ѣ̺̺̺̻ѣ̺̺̺̻, ѣ̺̺̺̼ѣ̺̺̺̼, слав. ѣ̺̺̺̻ѣ̺̺̺̼ и греч. ѣ̺̺̺̻ѣ̺̺̺̽), **ѣ̺̺̺̽** и **ѣ̺̺̺̾** (ѣ̺̺̺̽ѣ̺̺̺̽, ѣ̺̺̺̾ѣ̺̺̺̾, слав. ѣ̺̺̺̽ѣ̺̺̺̾ и греч. ѣ̺̺̺̽ѣ̺̺̺̿), **ѣ̺̺̺̿** и **ѣ̺̺̺̺̇** (ѣ̺̺̺̿ѣ̺̺̺̿, ѣ̺̺̺̺̇ѣ̺̺̺̺̇, слав. ѣ̺̺̺̿ѣ̺̺̺̿ и греч. ѣ̺̺̺̿ѣ̺̺̺̺̇), **ѣ̺̺̺̺̈** и **ѣ̺̺̺̺̉** (ѣ̺̺̺̺̈ѣ̺̺̺̺̈, ѣ̺̺̺̺̉ѣ̺̺̺̺̉, слав. ѣ̺̺̺̺̈ѣ̺̺̺̺̈ и греч. ѣ̺̺̺̺̈ѣ̺̺̺̺̉), **ѣ̺̺̺̺̊** и **ѣ̺̺̺̺̋** (ѣ̺̺̺̺̊ѣ̺̺̺̺̊, ѣ̺̺̺̺̋ѣ̺̺̺̺̋, слав. ѣ̺̺̺̺̊ѣ̺̺̺̺̊ и греч. ѣ̺̺̺̺̊ѣ̺̺̺̺̋), **ѣ̺̺̺̺̌** и **ѣ̺̺̺̺̍** (ѣ̺̺̺̺̌ѣ̺̺̺̺̌, ѣ̺̺̺̺̍ѣ̺̺̺̺̍, слав. ѣ̺̺̺̺̌ѣ̺̺̺̺̌ и греч. ѣ̺̺̺̺̌ѣ̺̺̺̺̍), **ѣ̺̺̺̺̎** и **ѣ̺̺̺̺̏** (ѣ̺̺̺̺̎ѣ̺̺̺̺̎, ѣ̺̺̺̺̏ѣ̺̺̺̺̏, слав. ѣ̺̺̺̺̎ѣ̺̺̺̺̎ и греч. ѣ̺̺̺̺̎ѣ̺̺̺̺̏), **ѣ̺̺̺̺̐** и **ѣ̺̺̺̺̑** (ѣ̺̺̺̺̐ѣ̺̺̺̺̐, ѣ̺̺̺

помимо вышеприведенных случаев *мѣꙗ* / *мѣꙗ* и *ѡзѣꙗ* / *ѡзѣꙗ*³, составляют так называемые *nomina sacra* и *nomina profana*. Чаще всего они различаются между собой наличием / отсутствием титла [Загребин, 2006, с. 29; Романский, 1907; Черепнин, 1956, с. 152, 246], однако есть два случая, когда средством противопоставления, а значит, и средством антистиха, является морфология слова: *ѡбѡ* и *тѣло* как *nomina profana* ('единица языка' и 'плоть') могут склоняться как по исконному IV (древнему согласному), так и по I тв. типу, в то время как *ѡбѡ* и *тѣло* как *nomina sacra* ('Вторая Ипостась' и 'евхаристический Дар') – только по I тв. [Алипий, 1991, с. 55; Воробьева, 2008, с. 155]. Остальные лексические омонимы (например, *грѣѡ* – 'πόλις' и 'χαλάζι', *колѣно* – 'γονάτι' и 'φυλή', *ѡло* – 'πεδίον' и 'χωρίον', *дрѣво* – 'δένδρον' и 'ξύλον' и т. п.) не расподобляются.

Группу омонимов грамматических составляют отдельные формы как одного и того же слова, так и разных слов, в том числе и слов разных частей речи, причем омонимия может возникать на различных уровнях – от грамматического признака (например, падеж или число) до части речи:

- на уровне лексико-грамматических категорий (ЛГК):
 - Р. п. мн. ч. сущ. I скл. vs И.–В. п. ⁴ ед. ч. кратк. прил.: *ѡмѡ*;
 - Р. п. мн. ч. сущ. I скл. vs И. п. ед. ч. м. р. прит. прил.: *ѡрѣхѡвѡ*;
 - нар. vs И. п. ед. ч. ср. р. кратк. прил.: *догѣѡнѡ*;
 - кратк. действ. прич. ⁵ наст. вр. vs 2–3 л. аор. глаг. IV-ѣ кл. с шипящей основой: *ѡмѡша*;
 - кратк. страд. прич. наст. вр. vs 1 л. мн. ч. наст. (прост. буд.) вр. глаг. III кл.: *знѡмѡ*;
- на уровне лексико-грамматических разрядов:
 - И.–В. п. мн. ч. м. р. мест. *тѡѡ* vs энкл. Д. п. мест. *тѡ*: *тѡ*;
 - И.–В. п. мн. ч. ж. р. мест. *тѡѡ* vs И. п. мест. *тѡ*: *тѡ*;
 - различные значения (сопост., присоед. и т. д.) союза-частицы *убо*⁶;
- на уровне грамматических признаков одной ЛГК:
 - И.–В. п. дв. ч. vs Р. п. ед. ч. сущ. I ⁷ скл. м. р.: *ѡтѡмѡ*;
 - И.–В. п. дв. ч. vs М. п. ед. ч. сущ. I скл. ср. р.: *ѡлѡ*;

³ Сюда также включают и написание *ѡно* (для отличия от форм слова *ѡна*) [Воробьева, 2008, с. 35], хотя в нем можно усмотреть и следование орфографии языка-донора: ср. греч. οἶνος.

⁴ Здесь и далее верхним индексом обозначается одушевленность (B⁺) или неодушевленность (B⁻).

⁵ Хотя традиционно применительно к церковнославянскому языку причастие понимается как глагольная форма [Алипий, 1991, с. 95], отрицать наличие у него грамматических признаков имени, т. е. *именной* лексико-грамматической категории, не представляется возможным.

⁶ В данном случае одновременно участвуют и орфография (o vs ѡ), и графика (апостроф vs исо), причем именно в таком соответствии, поэтому вопрос о том, какое написание является «первичным», а какое содержит расподобитель, однозначного ответа не имеет.

⁷ Указанные для сущ. I и II скл. омонимические пары актуальны и для соответствующих форм кратк. прил. и прич.

- Р.–М. п. дв. ч. vs Д. п. ед. ч. сущ. I скл.: *ετωλῶ*;
- И. п. мн. ч. vs З. п. ед. ч. сущ. I скл. на -ει⁸: *Φαρίῃς*;
- Р. п. мн. ч. vs И. п. ед. ч. сущ. I тв. скл. м. р.: *ετωλῶς*;
- Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч. сущ. I скл.: *ετολῶμας*;
- Т. п. мн. ч. vs М. п. ед. ч. сущ. I м. скл. ср. р.: *πῶλι*;
- И.–В. п. дв. ч. vs Д.–М. п. ед. ч. сущ. II скл.: *ἡμεῖς*;
- Р.–М. п. дв. ч. vs В. п. ед. ч. сущ. II скл.: *ἡμεῖς*;
- И.–В. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч. сущ. II скл.: *ἡμεῖς*;
- И.–В. п. дв. ч. vs Р.–Д.–М. п. ед. ч. сущ. III скл.: *κώετι*;
- Р.–М. п. дв. ч. vs В. п. ед. ч. сущ. III скл. ж. р.: *κώετις*;
- И.–В. п. мн. ч. vs Р.–Д.–М. п. ед. ч. сущ. III скл.: *κώετις*;
- Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч. сущ. III скл. м. р.: *πύεμας*;
- И.–В. п. дв. ч. vs Д.–М. п. ед. ч. сущ. IV скл.: *κάμενι*;
- Р.–М. п. дв. ч. vs Т. п. ед. ч. сущ. IV скл. ж. р.: *σπεκρώβη*;
- И.–В. п. мн. ч. vs Д.–М. п. ед. ч. сущ. IV скл. м. и ж. р.: *κάμενι, σπεκρώβη*;
- Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч. сущ. IV скл. м. и ср. р.: *κάμενις, σπεκρώβης*;
- В. п. мн. ч. сущ. I скл. vs Р. п. ед. ч. сущ. II скл.: *ράβη*;
- Р. п. vs В. п. ед. ч. личн. мест.: *μενέ*;
- Р. п. vs В.⁺ п. ед. ч. неличн. мест.⁹ м. и ср. р.: *μοεῖω*;
- В.⁺ п. vs Р. п. мн. ч. мест. *ὄνη* (*и): *ἦν*;
- И.–В. п. дв. ч. м. р. vs И. п. ед. ч. ж. р. неличн. мест.: *βάша*;
- Р.–М. п. дв. ч. vs Т. п. ед. ч. неличн. мест.: *βάσην*;
- И.–В. п. мн. ч. ж. и ср. р. vs И. п. ед. ч. ж. р. неличн. мест.: *βάша*;
- Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч. неличн. мест.: *βάσημας*;
- И. п. мн. ч. vs И. п. ед. ч. мест. *ἦμε*: *ἦμε*;
- И. п. мн. ч. ж. и ср. р. vs И. п. ед. ч. ж. р. мест. *ἦμε*: *ἦμε*;
- И.–В. п. дв. ч. м. р. vs И. п. ед. ч. ж. р. неличн. мест.: *δῶβρα*;
- Р.–М. п. дв. ч. vs В. п. ед. ч. полн. прил.: *δῶβρη*;
- И.–В. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч. полн. прил. ж. р.: *δῶβρη*;
- И.–В. п. мн. ч. ср. р. vs И. п. ед. ч. ж. р. прил.: *δῶβρα*;
- Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч. прил.: *δῶβρημας*;
- наст. (прост. буд.) вр. vs импер. глаг. IV кл. в форме 2 л. мн. ч.: *σκόρετε*.

Нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве случаев грамматическая омонимия возникает при совпадении какой-либо формы дв. или мн. ч. с какой-

⁸ И, вероятно, по аналогии с ними – на -τῆς: *δῆλατες* (наряду с *δῆλαται, δῆλαταις*), хотя бы они имели вокатив на -и.

⁹ Указанные для мест. омонимические пары актуальны и для соответствующих форм полн. прил. и прич.

либо формой ед. ч., т. е. омонимия *числовых* форм для церковнославянского языка является *наиболее распространенной*, что, как мы увидим позже, весьма существенно. Для различения форм в данном случае используются либо дублетные буквы *ѣ, ѡ, ѣ, ѡ*, либо диакритические знаки камора и, реже, апостроф (см. далее *критико-аналитический обзор*).

Итак, на теоретическом этапе принцип антистиха не вызывает затруднений: *nomina sacra* вносятся под титул, в формах дв. и мн. ч., омонимичных ед. ч., используется дублет или камора. В определенной степени это действительно так: список слов, пишущихся под титулом, хотя бы и мог показаться внушительным, всё же невелик; невелик и список требующих использования дублета или мены ударения грамматических форм (нар.; Р. п. ед. ч. мест., прил. и прич.; И. п. ед. ч. кратк. прич.; дв. и мн. ч. и т. д.), а за большинством из них закреплено свое конкретное, и притом единственное, средство расподобления: в нар. – *ѡ*, в Р. п. – *ѣ* или *ѡ* в зависимости непосредственно от формы, в И. п. кратк. прич. – *ѡ* (действ.) или *ѡ* (страд.).

И всё же в практическом смысле наиболее сложным оказывается именно различение на письме грамматических омонимов, и в первую очередь – числовых омоформ. Причина тому – отсутствие четко описанного / изложенного алгоритма противопоставления – складывается из ряда частных факторов. *Во-первых*, сам антистих в учебной литературе по церковнославянскому языку (кроме разве что пособия В. И. Супруна [1998]) *не упоминается*. Это было бы оправданным применительно, например, к курсам истории русского литературного языка или исторической грамматики, но в отношении церковнославянского языка, для которого антистих *«стал основным принципом кодификации»* [Православная энциклопедия, 2001, с. 550, стб. 3] и выразителем его специфики *«как особой системы – “иконы Православия”, стремящейся к однозначному соответствию между планом выражения и планом содержания»* [Там же, стб. 2], такое умолчание представляется, мягко говоря, странным. Безусловно, снятие грамматической омонимии графико-орфографическими средствами в пособиях упоминается, но, *во-вторых*, конкретные рекомендации, предписания, регулирующие выбор того или иного знака, зачастую дают *атомарную* картину, в результате чего *аннигилируется системность и иерархичность* антистиха как принципа *«последовательной»* <подчёркнуто нами. – А. Б.> *орфографической дифференциации»* [Там же, стб. 1]. Наконец, *в-третьих*, сами рекомендации формулируются настолько *общо, размыто* и к тому же, *в-четвёртых*, *вне связи* с остальными орфографическими принципами (этимологическим, позиционным и т. д., хотя бы и подавались наряду с ними), что остается *неясным* непосредственно *механизм* расподобления.

Критико-аналитический обзор литературы

Возьмем ряд произвольных (при этом, однако, довольно популярных) учебных пособий по церковнославянскому языку и рассмотрим предлагаемые ими способы устранения числовой омонимии. Прежде всего, некоторые учебные пособия, например, А. И. Изотова и М. Л. Ремнёвой, страдают перекосом в сторону *старославянского* языка, вследствие чего орфографические тонкости языка церковнославянского их не интересуют. Так, согласно этим изданиям, *ѣ* и *ѡ* пишутся *«для дифференциации окончаний Т. п. ед. ч. и Д. п. мн. ч.»* [Ремнёва и др., 1999, с. 33], *«в некоторых надежных окончаниях»* [Изотов, 2001, с. 20], что никак не объясня-

ет появления *ѡ* в дуальных формах *ѡтрѣѡка, ѡтрѣѡкъ* [Изотов, 2001, с. 30], *кѡнѡ, кѡнѡи* [Ремнёва и др., 1999, с. 40]. Само же по себе небрежное отношение к орфографической специфике церковнославянского языка приводит к тому, что в учебном пособии А. И. Изотова антистих отсутствует не только в теоретических выкладках, но зачастую и на практике (см. формы *И. п. мн. ч. жѣны* на с. 28, *И. п. дв. ч. ѣмѣни* на с. 37, *мѣтери* на с. 38, *Р.–М. п. дв. ч. мѣтерѣи* там же, *И. п. мн. ч. ср. р. нѣша* на с. 77). Столь же широко и неопределенно описывается сфера функционирования *ѣ, ѡ* и каморы в пособии Т. Л. Мироновой, которые, как пишет автор, используются «для различения на письме одинаково звучащих грамматических форм одного и того же слова» [2008, с. 15, 17, 26].

К. Козьмин предлагает следующую трактовку: «*Падежи множ. и двойственного числа, для отличия и от созвучных им падежей единственного числа, имеют: а) букву ѣ вместо ѣ: единств. числа вѣрѣмѣ, а множественного вѣрѣмѣ; б) ѡ вместо ѡ: единств. числа имен. пад. прѡрѡкъ, а множественного прѡрѡкъ; в) обличенное ударение: единств. ч. имен. пад. нѣдѣгѣ, а род. п. множеств. числа – нѣдѣгѣ*» [1903, с. 12]. Но из сказанного совершенно не следует невозможность написания *нѣдѣгѣ.

Иером. Алипий (Гаманович) полностью повторяет К. Козьмина в орфографической части, но уточняет в части морфологической: «*В падежах двойственного и множественного чисел для отличия их от созвучных им падежей единственного числа в основах или флексиях слов вместо ѡ ставится ѡ, вместо ѣ ставится ѣ, а где нет* <подчеркнуто нами. – А. Б.> *этих гласных, то ставится обличенное ударение <...> При наличии в слове ѡ и ѣ предпочтение обычно оказывается ѡ, впрочем много зависит от писателя, который может выбрать ѡ или ѣ или обличенное ударение в зависимости от того, какой знак будет более удобным <...> Этим правилам орфографии падежей следуют и все другие склоняемые части речи*» [1991, с. 45–46]. Несмотря на наличие столь существенного уточнения относительно использования каморы, формулировка остается довольно неопределенной. Неясно также и то, какой именно *ѣ / ѡ* подлежит замене, если таковых в слове несколько: *тѡржѣтвенныѡ, *торжѣтвенныѡ, торжѣтвенныѡ? Или писатель всё же может выбрать вариант *торжѣтвенныѡ? Вдобавок дальнейшие парадигмы обнаруживают расподобление, например, посредствоммены *и → ѡ* в «других склоняемых частях речи».

Конспектировавший иером. Алипия (Гамановича) иером. Андрей (Эрастов) делает еще одно уточнение: «*Если формы единств. и множ. ч. совпадают, то для различия их употребляются следующие орфографические правила <далее идут примерымены а) ѡ → ѡ и б) ѣ → ѣ в Д. п. мн. ч. – А. Б.> в) если в слове нет ѡ или ѣ, то во множ. ч. ударение ^ <примеры. – А. Б.> г) в словах множ. ч. пишется жѣ; ѣ; шы; чѣ. Это орфографическое правило касается и прилагательных, местоимений и причастий*» [Эрастов, 2007, с. 40–41]. В таком виде правило делает очевидной невозможность написания *торжѣтвенныѡ, остальные же варианты так и остаются в зоне неопределенности. Также из сказанного можно сделать вывод о допустимости написаний типа *Д. п. мн. ч. *жѣвыѣмѣ, *чѣстыѣмѣ* и т. п. Кроме того,

не объясняются, как, впрочем, и у иером. Алипия (Гамановича), написания типа *тѣворѣща* на с. 66.

В учебнике А. А. Плетнёвой и А. Г. Кравецкого серия примеров на омонимию числовых форм резюмируется следующим образом: «Если в единственном числе над гласной стоит острое или тяжелое ударение, то в двойственном или множественном числе оно меняется на обличенное <...> *ѣ* (е-узкое) меняется на *ѣ* (е-широкое), а *о* меняется на *ѡ* <...> после шипящих могут варьироваться буквы *л* и *ѡ*, и *и* *ы*» [2001, с. 72–73]. Но и при такой формулировке выбор конкретного средства расподобления остается неясным.

А. Г. Воробьева, указывая, что *ѣ* и *ѡ* употребляются «для различения омонимичных грамматических форм» [2008, с. 35], а «обличенное ударение употребляется только в словах множественного и двойственного числа в случае совпадения этих форм с какой-либо формой единственного числа» [Там же, с. 38], добавляет, что «это будет показано на примерах в следующих уроках» [Там же, с. 34]. Однако при рассмотрении конкретных деклинационных типов противопоставлению омоформ, кроме указания на независимость от реальной омонимии форм Д. п. мн. ч. на с. 51, внимание не уделяется. Иначе говоря, выбор между дублетом (причем мена, например, *л* → *ѡ* после шипящих не упомянута вовсе) и каморой отнюдь не однозначен.

И. В. Бугаева и Т. А. Левшенко [2009] отказываются от теоретического описания и предлагают манифестацию антистиха в конкретных таблицах. Конечно, примеры отдельных парадигм для слов с теми или иными особенностями формообразования – это хорошее справочное пособие. Но, во-первых, они могут служить лишь иллюстрацией теоретического материала, а никак не его источником (в учебно-методическом смысле), а во-вторых, для отражения «всех возможных словоизменительных парадигм» [Там же, с. 3] необходимо приводить куда большее количество вариантов: например, *мѣдѣ* и *стѣдѣ* как слова с одной позицией для использования дублета; *потѣкѣ* и *зелѣный* – с двумя; *стѣдѣ* и *мѣдѣ* – без дублета, но с шипящей основой; *нѣжѣ* и *кѣшѣ* – и с дублетом, и с шипящей основой; *сѣдѣ* и *нѣжѣ* – и без дублета, и без шипящей основы, но с прикрытым начальным ударным слогом; *ѣмѣ* и *ѡмѣстѣ* – без дублета и шипящей основы и с гласным ударным анлаутом и т. д. Однако, в-третьих, в подобных многочисленных громоздких таблицах и пространных пособиях, часто не лишенных ошибок, что применительно, в частности, к указанному изданию отмечала Л. И. Маршева¹⁰, антистих как орфографический принцип попросту *теряется*. Наконец, в-четвертых (во многом это касается и предыдущего учебника), гораздо *целесообразнее объяснить механизм* образования форм, нежели подменять его списком готовых вариантов, к тому же далеко не исчерпывающим.

Наиболее обстоятельно материал излагает Д. Д. Соколов [1907]. Прежде всего: в пособии перечисляются все способы расподобления – *ѣ*, *ѡ*, *ы*, *ѡ*, *ѣ* и *ѡ* – и практически все случаи возникновения омонимии, причем каждый из них иллюстрируется текстовыми примерами на обе омонимичные формы. Как

¹⁰ *Маршева Л. И.* Кто по толкам, а кто по складам. Рецензия на пособие И. В. Бугаевой и Т. А. Левшенко «Церковнославянский язык. Учебные грамматические таблицы», 1 февраля 2010 г. URL: <https://pravoslavie.ru/33786.html> (дата обращения 03.05.2020).

и позднее иером. Алипий (Гаманович), Д. Д. Соколов указывает на приоритет буквенного расподобления над диакритическим. Но наиболее существенным в сравнении с вышеперечисленными изданиями представляется уточнение о зависимости выбора расподобителя от места ударения в слове и вообще о выборе места расподобления в направлении от конца к началу [Соколов, 1907, с. 14]. Для уже приводившейся формы И. п. мн. ч. ж. р. *торжественныя* такие оговорки предопределяют единственно возможный вариант – *торжѣтвенныѧ*. В остальном же к справочнику предъявляются те же претензии: списочное решение оказывается методически слишком сложным, а расплывчатость рекомендации использовать *ы, ѧ* после шипящих не исключает возможности написаний типа **жывымѧ, *чѣстымѧ*.

Такие же дополнения и уточнения к известным правилам приводит Л. И. Маршева [2012; 2013]: расподобление проводится в первую очередь посредством дублета, причем в ближайшем к концу слова месте¹¹, при невозможности – посредством каморы. Однако расподобление посредством *ы, ѧ* так и остается неопределенным, к тому же использование их как средства антистиха вдруг оказывается возможным в том числе и после *ц* (примеров автор не приводит, но очевидно, что это продиктовано их невозможностью) [Маршева, 2012, с. 333]. Кроме того, автор небесспорно утверждает, что «в церковнославянской орфографии ни одна из них <омоформ. – А. Б.> не остаётся без графического маркирования [Там же, с. 329]. Из этого следует, что снятие абсолютно любой омонимии решается путем комбинации тех или иных графико-орфографических средств, что, как мы увидим позже, далеко от истины. Наконец, предлагаемая редакция правил дифференциации никак не комментирует различия написаний типа *нѧшѧ* и *нѧша*. Также пособие содержит еще одно ограничение: в расподоблении не участвуют буквы префиксов [Маршева, 2013, с. 17], хотя это оспаривается, например, А. А. Плетнёвой [Православная энциклопедия, 2001, с. 552, стб. 3].

Итак, учебно-методические пособия, касаясь графики и орфографии церковнославянского языка, по сути, лишь дают комментарии к алфавиту; в них реализуется своего рода «функциональный подход»: такая-то графема реализуется в таких-то позициях или формах. Но антистих привязан не к конкретной букве, а к словоформе, и логика его реализации направлена в обратную сторону: как только возникает омонимия, форма подлежит расподоблению одним из существующих средств, если таковое вообще возможно.

Иногда рекомендации по использованию той или иной буквы могут сопровождаться гиперссылками (как, например, в изданиях Л. И. Маршевой и В. И. Супруна) или группироваться (иером. Алипий (Гаманович), А. Г. Воробьёва, К. Козьмин, А. А. Плетнёва – А. Г. Кравецкий), даже в какой-то мере ограничиваться (иером. Андрей (Эрастов), Д. Д. Соколов), но всё же в подавляющем большинстве случаев на страницах руководств и учебников сохраняется примат списочных решений, которыми антистих обесценивается не только как одно из величайших

¹¹ Впрочем, сам автор на этом не настаивает: из утверждения, что «предпочтение отдается букве, причем либо ударной (если есть такая возможность), либо той, которая стоит ближе к концу (если такой возможности нет)» [Маршева, 2013, с. 17], следует нормативность написания Р. п. мн. ч. **плѣвѣмѧ* и ошибочность написания *плѣвѣмѧ*, хотя тексты однозначно показывают обратную картину.

достижений славянской грамматической традиции, но и как лингвистический феномен вообще.

Для того же, чтобы «*принцип антистиха из области теоретических построений перешел в орфографическую практику*» [Православная энциклопедия, 2001, с. 552, стб. 3], необходимы четкие указания относительно выбора конкретного средства расподобления. Анализ предлагаемых орфографических рекомендаций, данных текстов и грамматических таблиц (безусловно, в том только случае, если последние не противоречат первым двум) позволяет сформулировать правило в следующем виде.

Общие правила расподобления единственного и неединственного числа

Предварительные ограничения

1'. Данные правила вступают в силу только после применения общих принципов использования дублетных букв, употребления ятя, диакритики и титл.

2'. Каждый последующий пункт общих правил вступает в силу только при невозможности выполнения пункта предыдущего.

3'. Притяжательные местоимения *мѡѣ*, *тѡѡѣ*, *ѡѡѡѣ* всегда сохраняют корневой *ѡ*.

Общие правила

0. Расподоблению подвергаются только формы неед. ч, причем используется только один расподобитель.

1. Расподобление проводится посредством дублетных букв: *ѣ* → *ѣ*, *ѡ* → *ѡ*, *и* → *ѡ*, *ѡ* → *ѡ*.

1.1. Расподобление проводится после формоизменяющей основы (во флексиях):

- посредством *ѣ* → *ѣ*, *ѡ* → *ѡ* – после любых основ;
- посредством *и* → *ѡ*, *ѡ* → *ѡ* – только после шипящих основ (регулируется специальными правилами).

1.2. Расподобление проводится внутри формоизменяющей основы:

- только посредством *ѣ* → *ѣ*, *ѡ* → *ѡ*;
- в ближайшем к концу слоге, но не далее ударного или, только при ударном ауслауте, I предударного слога.

2. Расподобление проводится посредством диакритик: *ѡѡѡѣ (ѡ)* / *ѡѡѡѣ (ѡ)* → *ѡѡѡѣ (ѡ)*, *ѡѡѡѣ (ѡ)* → *ѡѡѡѣ (ѡ)*:

- посредством *ѡѡѡѣ (ѡ)* – в мест. с ударным гласным ауслаутом;
- посредством *ѡѡѡѣ (ѡ)* – в остальных случаях.

3. Расподобление не проводится.

Специальные правила (для шипящих основ)

1. Расподобление посредством *ѡ* → *ѡ* проводится во мн. ч. м. и ж. р, тогда как в дв. ч. м. р. и во всех числах ср. р. сохраняется *ѡ* и расподобление, таким образом,

проводится в формоизменительной основе (посредством дублета или каморы – по общим правилам)¹². Исключение: И. п. мн. ч. ѡѣжа (от слова ср. р. ѡѣе).

2. Расподобление посредством и → ы последовательно проводится в однобуквенных флексиях косвенных падежей и в многобуквенных флексиях.

Примечания

1. Использование дублетов ѣ, ѡ в окончании Д. п. мн. ч. м. и ср. р. из дифференцирующего (распознавательного) фактически превратилось в маркирующее (опознавательное) средство, т. е. является обязательным вне зависимости от реального возникновения омонимии: кѣ сынѡмѣ / сыновѡмѣ – сѣ сынѡмѣ; кѣ звѣрѣмѣ – сѣ звѣрѣмѣ; кѣ рѣмѣмѣ / хрѣмѣмѣ – сѣ рѣмѣмѣ / хрѣмѣмѣ.

2. На однобуквенные флексии прямого падежа специальное правило не распространяется, очевидно, в силу того, что здесь реализуется дифференциация форм падежа (В. п., Т. п. vs И. = 3. п.¹³)¹⁴, а не числа: прѣдѣ мѣжы – всѣ мѣжы. Впрочем, Е. А. Кузьмина замечает, что это «является скорее исключением, чем правилом» [2011, с. 53].

3. Есть основания полагать, что дуалису было несвойственно использование дублета, кроме ударных ѣ, ѡ (поскольку с ѣ, ѡ камора не употребляется): погнѣтъ ѡѣко сестрѣ кѣ немѣ, глаголющѣ (Ин. 11:3)¹⁵; мѣжа двѣ (Лк. 9:30, 24:4, Деян. 1:10). Хотя эта норма разрушается с разрушением самого дуалиса, и, таким образом, в дуальные формы могут проникать в качестве расподобителя и дублеты из плюральных форм – подобно тому, как и само двойственное число может заменяться множественным, например: ѡвѣщавши рахѣль и лѣа, рекѡтъ ѣмѣ: (Быт. 31:14, вм. ѡвѣщавшѣ), и быша мѡѡѣови рѣцѣ ѡкрѣплѣны (Исх. 17:12, вм. бытъ ѡкрѣплѣнѣ).

Рассмотрим применение этих правил на конкретных примерах. Для наглядности действия механизма расподобления по принципу антистиха целесообразнее идти от гражданской записи текста к классической церковнославянской.

Пример 1

по заповедем и учением человеческим

В омоформе учением (Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч.) есть 4 возможности использования дублетных букв: у (ѡ / ѡ / ѡ), е (ѣ / ѣ) – дважды, и (и / ѣ / ѡ). Две из этих букв (их реализация, в свою очередь, регулируется позиционным принципом) в расподоблении не участвуют:

у исключается по п. 1, так как вообще не участвует в противопоставлении;

¹² В сущности, здесь мы имеем дело с сохранением древнейших написаний соответствующих флексий [Вайан, 2009], а значит, это один из немногих случаев (ср., например, употребление ятя и естя в парадигме личных местоимений), когда славянский антистих имеет собственно этимологическую природу.

¹³ Здесь точнее говорить именно о равенстве, в отличие от чисто формального совпадения (как, например, в Р.-М. п. дв. ч. и др.), форм, поскольку в вокативных контекстах во мн. ч. используется только И. п.

¹⁴ В этом случае прямой падеж считается «первичным» (основным, отправным, исходным), т. е. не требующим расподобления, и, следовательно, сохраняет нормативную орфографию.

¹⁵ Здесь и далее контрольные библейские цитаты приводятся по: [Библия, 2001].

и исключается по п. 1.1, так как используется только *после* основы (и притом шипящей!), тогда как в данном случае она находится внутри (*учени*[j-e]).

Таким образом, расподобление сводится к выбору между оставшимися *е*: в окончании и в основе. Второе ограничение (2') обязывает, в соответствии с п. 1.1, проводить расподобление в окончании: *ѣчениѣмъ*.

То же – для *человеческим*. Хотя *и* относится к окончанию, основа не имеет шипящего исхода, что исключает этот (п. 1.1) вариант расподобления. Согласно второму ограничению (2'), место расподобления переносится в основу, где из оставшихся *о* и трёх *е* только последняя *е* как ближайшая к концу может быть расподобителем – по п. 1.2: *человѣчѣскимъ*.

Ср.: по заповѣдемъ ѿ чѣниѣмъ чѣловѣчѣскимъ (Кол. 2:22) Q.E.D.

Пример 2

мироносицы жены с миры пришедша ко гробу Твоему, Спасе, рыдаху

В омоформе *жены* (И. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч.) *ы* также не маркирует мн. ч. Находящийся в основе *е*, хотя и занимает предупредную позицию, тем не менее, может быть расподобителем, поскольку непосредственно предшествует ударному гласному ауслауту, т. е. выполняется требование п. 1.2: *жѣны*.

В омоформе *мироносицы* (И. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч.) *ы* не является показателем мн. ч., поскольку основа не заканчивается на шипящий. Следовательно, расподобление проводится внутри основы на месте последней *о* (по п. 1.2): *мѣроносѣцы*.

Омоформа *пришедша* (И. п. мн. ч. ж. р. vs Р. п. ед. ч. м. и ср. р.) имеет шипящий исход формоизменительной основы, после которого *а* может заменяться дублетом (по п. 1.1), что, в свою очередь, регулируется уже специальными правилами. П. 1 специальных правил предполагает мену *а* → *ѣ* в том числе и в формах мн. ч. ж. р., каковой и является рассматриваемая словоформа. NB! Мена *ѣ* → *ѣ* в корне (по п. 1.2) оказывается излишней, поскольку расподобление уже проведено (по п. 1 специальных правил, необходимого из п. 1.1 общих правил, следствие которому подразумевает второе ограничение (2')): *пришѣдшѣ*.

Ср.: мѣроносѣцы жѣны ѿ мѣры пришѣдшѣ ко гробѣ твоѣмѣ, сѣе, рыдахѣ [Часослов, 2002, с. 298].

Пример 3

где суть милостыни Твоя и правды Твоя

В омоформе *правды* (И. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч.) *ы* не является показателем мн. ч., поскольку основа не заканчивается на шипящий. Следовательно, расподобление проводится внутри основы (по п. 1.2), но, поскольку в ней нет возможности использовать дублет, расподобление осуществляется посредством диакритики (по п. 2): *прѣвды*.

Аналогичная ситуация в омоформе *милостыни*, но, поскольку внутри основы есть возможность применения дублета, для расподобления используется мена *о* → *ѡ* – по п. 1.2: *мѣлѡстыни*.

В омоформе *твоя* (И. п. мн. ч. vs И. п. ед. ч. ж. р.) ситуация тоже аналогичная (*ѣ* не эксплицирует мн. ч., поскольку нет шипящей финали), но третье ограничение (3'), обязывает сохранить корневой *о*, вследствие чего расподобление в основе

становится невозможным, поэтому, согласно *второму ограничению* (2') расподобителем выступает камора – по *п. 2*: тѡѡ.

Ср.: гдѣ ѡтъ мѡлѡстыни тѡѡ и прѡвды тѡѡ (Тов. 2:14).

Пример 4

ищуще гласа мусикийска и поведаяще повести во писаниих

В омоформе *повести* (В. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч.) мена и → ы (по *п. 1.1*) невозможно, так как нет шипящей основы, поэтому расподобление переносится внутрь основы – по *п. 1.2*. С учетом *первого ограничения* (1') е исчезает из написания (на его месте выступает ять), так что в основе остается только префиксальный о, который, тем не менее, и заменяется дублетом: пѡвѣѣти.

Ср.: ищѣще гласа мѡсѣйскѣ и повѣдающе пѡвѣѣти во писаниихъ (Сир. 44:5).

Пример 5

и заповеда царь Хелкии жерцу великому и жерцем вторым... изнести от храма Господня... идеже жены прядяху ризы кумиру

Второе ограничение (2') требует в омоформе *жерцем* (Р. п. мн. ч. vs И. п. ед. ч.) проводить расподобление в окончании, а не в основе – по *п. 1.1*: жерцѣмъ.

В омоформе *риз* (В. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч.) нет возможности для использования дублета, поэтому употребляется камора – по *п. 2*: рѣзы.

В омоформах *жены* (И. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч.) и *вторым* (Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч.) позиция для дублета – в I п/у слоге основы, однако во *вторым* ударение падает не на абсолютный конец слова, что делает невозможным его употребление, и, таким образом, используется камора – по *п. 1.2*: жѣны, вторѣмъ.

Ср.: и заповѣда царь хелкин жерцѣ великомѣ и жерцѣмъ вторѣмъ и стрѣжѣмымъ вратѣ изнести ѡ храма гдѣ идеже жѣны прядѣху рѣзы кѡмѣрѣ (4Цар. 23:4–7).

Пример 6

умалил еси его малым чим от ангел

По *первому ограничению* (1'), в омоформе *ангел* (Р. п. мн. ч. vs И. п. ед. ч.) невозможно использовать ни дублетную букву, ни диакритический знак, так как *е* из написания исчезает, а общие правила расстановки диакритики запрещают употребление каморы над начальными гласными. Расподобления нет (*п. 3*).

Ср.: ѡмалѣлѣ еси егѡ малѣмъ чѣмъ ѡ аγγѣлѣ (Пс. 8:5).

Пример 7

имже несть числа

В омоформе *имже* (Д. п. мн. ч. vs Т. п. ед. ч.) мы имеем гласный ударный анлаут, что позволяет нам, поскольку это форма мест., провести расподобление посредством апострофа – по *п. 2*: ѣмже.

Ср.: ѣмже неѣтъ числѣ (Пс. 39:13).

Пример 8

и елика суть скрыта и явна познах

В омоформах *елика* и *скрыта* (И. п. мн. ч. vs Р. п. ед. ч. м. и ср. р. / И. п. ед. ч. ж. р.) нет условий для использования дублета, поэтому в качестве расподобителя выступает камора – по п. 2: *ѣлика, скръѣта*. Показателем мн. ч. *ѣ* в *елика* не является, поскольку пишется здесь в соответствии с позиционным принципом, учет которого подразумевается *первым ограничением (1')*.

В омоформе *явна* (та же оппозиция) невозможно использовать не только дублет, но и камору, поскольку та не выступает в гласном анлауте. В отличие от предыдущего примера, нельзя здесь использовать и апостроф, поскольку это форма прил., а не мест. Таким образом, *второе ограничение (2')* требует сохранить неснятую омонимию (п. 3): *ѣвна*.

Ср.: *и ѣлика гѣтъ скръѣта и ѣвна, познѣхъ* (Пс. 39:13).

Пример 9

даже до облак истина Твоя

Первое ограничение (1') предполагает употребления в омоформе *облак* (Р. п. мн. ч. vs И. п. ед. ч.) омеги, которая не может быть числовым показателем, так как употребляется здесь в соответствии с традицией¹⁶. Как и в предыдущем случае, ни камору, ни апостроф использовать нельзя. Омонимия остается неснятой (п. 3): *ѡблакъ*.

Ср.: *покрѣ ѡблакъ горѣ* (Пс. 8:5).

Пример 10

повинемся Отцу духовом

Несмотря на то, что у слова *дух* в форме Д. п. мн. ч. омонимии не возникает (ср.: Т. п. ед. ч. *дѣхомъ*), мена *о* → *ѡ* в обязательна (см. прим. 1): *дѣховѡмъ*.

Ср.: *повинѣмъ ѡцѣ дѣховѡмъ* (Пс. 39:13).

Пример 11

егоже цениша от сынов Израилев

Первое ограничение (1') в данном случае оказывается несущественным для снятия омонимии, поскольку из написания исчезают только не имеющие дублетов *и* и *а*. Дифференцирующий принцип, с одной стороны, требует написания в суф. прит. прил. *ѣ*. С другой стороны, омоформа *Израилев* (Р. п. мн. ч. vs И. п. ед. ч.) требует расподобления, которое в данном случае может быть проведено только внутри основы – по п. 1.2: *ѣилѣвъ*. Важно отметить, что *-ѣвъ*, несмотря на наличие в нем *ѣ*, остается суф. прит. прил. (ведь речь идет не о сыновьях неких нескольких Израилей, а о потомках одного конкретного Иакова-Израиля), из чего делается вывод, что расподобление омоформ числа – самое «сильное» из всех грамматических правил антистиха, поскольку здесь антистих ограничивает сам себя.

Ср.: *ѣгоже цѣниша ѡ сынѡвъ ѣилѣвъ* (Мф. 27:9).

¹⁶ В отличие от изданий, употребляющих здесь, в соответствии со своей традицией, *о*.

* * *

Приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно показывают, что наличие четких правил (хотя бы в предлагаемой формулировке) позволяет представить принцип антистиха как механизм, обеспечивающий функционирование графико-орфографической системы церковнославянского языка именно как системы, что весьма актуально не только для педагогической практики, но и для стандартизации языка в условиях активного гимнографического творчества Русской Церкви и переиздания литургического корпуса.

Список литературы

- Алпий (Гаманович), иером.* Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991. 272 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М., 2001. 1214 с.
- Бугаева И. В., Левшенко Т. А.* Церковнославянский язык: Учебные грамматические таблицы. М., 2009. 80 с.
- Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 2009. 446 с.
- Воробьева А. Г.* Учебник церковнославянского языка. М., 2008. 368 с.
- Дурново Н. Н.* Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 566–612.
- Загребин В. М.* Исследования памятников южнославянской и древнерусской письменности / Сост. Ж. Л. Левшина. М.; СПб., 2006. 304 с.
- Изотов А. И.* Старославянский и церковнославянский языки. М., 2001. 232 с.
- Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979. 494 с.
- Козьмин К.* Грамматика церковно-славянского языка нового периода. М., 1903. 112 с.
- Кузьмина Е. А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
- Маршева Л. И.* Дифференцирующий принцип церковнославянской орфографии // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. М., 2012. Вып. 3. С. 327–335.
- Маршева Л. И.* Орфография церковнославянского языка. Теоретический очерк. Упражнения. М., 2013. 56 с.
- Миронова Т. Л.* Церковнославянский язык. М., 2008. 304 с.
- Плетнёва А. А., Кравецкий А. Г.* Церковнославянский язык. М., 2001. 288 с.
- Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 549–553.
- Ремнёва М. Л., Савельев В. С., Филичев И. И.* Церковнославянский язык. М.: Изд-во МГУ, 1999. 232 с.
- Романский Н. А.* Наши богослужебные книги со стороны орфографии // Христианское чтение. 1907. № 7. С. 96–105.
- Соколов Д. Д.* Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб., 1907. 40 с.
- Супрун В. И.* Учебник церковнославянского языка. Волгоград, 1998. 304 с.
- Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. 432 с.
- Часослов. М., 2002. 244 с.
- Черпнин Л. В.* Русская палеография. М.: Политиздат, 1956. 616 с.

Эрастов А., иером. Грамматика церковно-славянского языка. СПб., 2007. 368 с.

ГСЕ – Граматика на старобългарския език / Гл. ред. И. Дуриданов. София, 1991. 606 с.

References

Alipiy (Gamanovich), ierom. *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka* [Grammar of the Church Slavonic language]. Moscow, 1991, 272 p.

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta na tserkovno-slavyanskom yazyke s parallel'nymi mestami [The Bible. Books of the Old and New Testaments in Church Slavonic language with parallel places]. Moscow, 2001, 1214 p.

Bugaeva I. V., Levshenko T. A. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk: Uchebnye grammaticheskie tablitsy* [Church Slavonic language: training grammatical tables]. Moscow, 2009, 80 p.

Chasoslov [Horology]. Moscow, 2002, 244 p.

Cherepnin L. V. *Russkaya paleografiya* [Russian paleography]. Moscow, Politizdat, 1956, 616 p.

Durnovo N. N. Mysli i predpolozheniya o proiskhozhdenii staroslavyanskogo yazyka i slavyanskikh alfavitov [Thoughts and hypothesizes about origin of Old Church Slavonic language]. In: Durnovo N. N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works about history of Russian language]. Moscow, 2000, pp. 566–612.

Erastov A., ierom. *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka* [Grammar of the Church Slavonic language]. St. Petersburg, 2007, 368 p.

Gramatika na starob'lgarskiya ezik [Grammar in Old Bulgarian Language]. I. Duridanov (Ed. in Ch.). Sofiya, 1991, 606 p.

Izotov A. I. *Staroslavyanskiy i tserkovnoslavyanskiy yazyki* [Old Church Slavonic and Church Slavonic languages]. Moscow, 2001, 232 p.

Karskiy E. F. *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya* [Slavonic Kirill's paleography]. Moscow, Nauka, 1979, 494 p.

Khaburgaev G. A. *Staroslavyanskiy yazyk* [Old Church Slavonic language]. Moscow, 1974, 432 p.

Koz'min K. *Grammatika tserkovno-slavyanskogo yazyka novogo perioda* [Grammar of the Church Slavonic language of new period]. Moscow, 1903, 112 p.

Kuz'minova E. A. *Printsip antistikh v slavyanskoy grammaticheskoy traditsii* [Princip of anti-verse in Slavonic grammatical tradition]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2011, no. 5, pp. 36–55.

Marsheva L. I. *Differentsiruyushchiy printsip tserkovnoslavyanskoy orfografii* [Differentiating principle of Church Slavonic orthography]. In: *Sretenskiy sbornik. Nauchnye trudy prepodavateley SDS* [Sretensky collection. Science works of teachers of STS]. Moscow, 2012, iss. 3, pp. 327–335.

Marsheva L. I. *Orfografiya tserkovnoslavyanskogo yazyka. Teoreticheskiy ocherk. Uprazhneniya* [Orthography of Church Slavonic language. Theoretical essay. Exercises]. Moscow, 2013, 56 p.

Mironova T. L. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk* [Church Slavonic language]. Moscow, 2008, 304 p.

Pletneva A. A., Kravetskiy A. G. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk* [Church Slavonic language]. Moscow, 2001, 288 p.

Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopedia]. Moscow, 2001, vol. 2, pp. 549–553.

Remneva M. L., Savel'ev V. S., Filichev I. I. *Tserkovnoslavyanskiy yazyk* [Church Slavonic language]. Moscow, MSU Publ., 1999, 232 p.

Romanskiy N. A. Nashi bogoslužebnye knigi so storony orfografii [Our liturgical books in terms of orthography]. *Khristianskoe chtenie*. 1907, no. 7, pp. 96–105.

Sokolov D. D. *Spravochnaya knizhka po tserkovnoslavyanskemu pravopisaniyu* [Church Slavonic orthography handbook]. St. Petersburg, 1907, 40 p.

Suprun V. I. *Uchebnik tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Textbook of Church Slavonic language]. Volgograd, 1998, 304 p.

Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavyanskemu yazyku* [Handbook of the Old Slavonic language]. Moscow, 2009.

Vorob'eva A. G. *Uchebnik tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Textbook of Church Slavonic language]. Moscow, 2008, 368 p.

Zagrebin V. M. *Issledovaniya pamyatnikov yuzhnoslavyanskoy i drevnerusskoy pismennosti* [Researches of monuments of south Slavonic and old Russian writing language]. Zh. L. Levshina (Comp.). Moscow, St. Petersburg, 2006.

Информация об авторе

Александр Дмитриевич Большаков, кандидат филологических наук

Information about the author

Alexander D. Bolshakov, Candidate of Philology

Статья поступила в редакцию 19.05.2020;

одобрена после рецензирования 19.08.2020; принята к публикации 19.08.2020

The article was submitted 19.05.2020;

approved after reviewing 19.08.2020; accepted for publication 19.08.2020